

Юрасова Ю. О.,

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов, м. Горлівка

АВТОРСКАЯ МАСКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ НЕОРОМАНТИКОВ

У статті розглядаються особливості оповідної манери неоромантиків (Дж. Конрада) у зв'язку з пошуком “наскрізного” образу героя-наратора. Своєрідним відображенням авторської позиції стали вдало втілені образи оповідача Марлоу, який можна розглядати як засіб самовираження автора, з притаманними лише йому індивідуальними особливостями світосприйняття, світогляду, стилю. Феномен авторської маски розглядається як важливий елемент поетики.

Ключові слова: автор, авторська маска, герой, неоромантизм, оповідач, структура, поетика, наратор.

The article deals with the neo-romantic Josef Kondrad's narrative manner in connection with the search of the “transparent” image of the hero-narrator. The peculiar reflection of the author's position is successfully found by Konrad image of the narrator Marlou, who can be viewed as one of the ways of the author's self-expression, full of his own individual peculiarities of disposition, ideology, style. The author's mask phenomenon is viewed as the most important element of the poetics.

Key words: author, author's mask, hero, neo-romanticism, narrator, structure, poetics.

Специфика и особенности авторской репрезентации в неоромантической прозе проистекают из собственно неоромантической концепции. Четко следуя неоромантическому дискурсу, авторы, творившие в рамках этого, так и не сложившегося до конца, эстетического направления изображают мир экзотических обстоятельств и исключительных, ярких характеров. Их герои вполне могут претендовать на звание “сверхлюдей”, а это – центральный, знаковый образ в неоромантизме. Придерживаясь “законов жанра”, автор-неоромантик отправляет своего героя в полное опасности и исключительности путешествие в экзотические страны, на острова (Р. Киплинг, Дж. Конрад) или в преступный мир (К. Дойл). Цели таких путешествий формально разные, но по своей сути все они “направлены” на построение нормативных этических отношений (от хаоса к космосу, как в мифологическом сознании). Однако столь строгое следование символике неоромантической картины мира вовсе не исчерпывает всех характеристик авторской позиции неоромантиков. Свообразным отражением неоромантической картины мира и авторской позиции стал удачно найденный многими писателями-неоромантиками образ рассказчика.

“Образ фиктивного автора” (Д. Якубович) можно рассматривать как своеобразную авторскую маску. В структуре же самой авторской маски необходимо учитывать не только взаимоотношения автора и читателя, но и автора и литературного героя. В свете исследований М. М. Бахтина прежнее представление об объективном повествовании изменилось на противоположное: теперь объективность связывается не с прямым словом повествователя, а с его умением говорить языком героев. Вводя в структуру повествования персонажа-нарратора, наделяя его различными функциями, от языковой до коммуникативной, автор тем самым реализует свой собственный образ в слове. Артур Конан Дойл и Джозеф Конрад, творившие не только на грани веков, но и “на рубеже” различных эстетических направлений, таких, как “неоромантизм”, натурализм, реализм, в своих произведениях мастерски использовали прием авторской маски в тексте как одной из новейших в то время тенденций для создания нового типа отношений в триаде “автор-персонаж-читатель” в условиях графической эскизности и определенности неоромантического дискурса.

Проблема маски как одной из ипостасей образа автора нашла отражение в прозаических текстах конца XIX – начала XX века (Р. Киплинг, К. Фольмёллер, Дж. Конрад, К. Дойл, Р. Хух, А. Белый, В. Брюсов, В. Набоков и др.). Этот феномен структурирует режим коммуникации автора с текстом, с читателем, со всем социокультурным контекстом эпохи и стал не просто литературным приемом как интенциональной, осмысленной особенностью стиля, но прежде всего – категорией поэтики, в полной мере обретающей свое функциональное значение. Авторская маска, являющаяся одним из проявлений создателя художественного текста, не только непосредственно связана с ее носителем, то есть автором, но предстает одним из способов самовыражения, сокрытия / проявления автором самого себя в пределах текстового пространства с присущими лишь ему индивидуальными особенностями мироощущения, мировоззрения. Именно поэтому исследование явления авторской маски позволяет не только конкретизировать, уточнить соотношение категорий автора и его маски, но и, что значительно существеннее, – достаточно четко обозначить способы позиционирования автора в художественном тексте, отделив реального автора от его “заместителя”. При этом авторская маска представляется нам и своеобразным литературным феноменом, и одной из форм взаимоотношения автора с персонажем или одним из способов перевоплощения автора в героя в пределах художественного текста (т. е., является важнейшим элементом поэтики) и проявлением авторской позиции. Именно в этом аспекте рассмотрим роль фиктивного автора в прозе Дж. Конрада. Авторская позиция Конрада очень своеобразно проявляется посредством введения в ряд произведений образа рассказчика Марлоу. Известно, что функциональная роль рассказчика в литера-

турном произведении многогранна. Он позволяет автору ввести в литературное произведение новые темы и новых героев, высказать мысли и идеи, которые автор по тем или иным причинам не хочет давать прямо, от себя; позволяет преодолеть литературно-языковые традиции, а главное – создать экспрессивно-эмоциональное усиление посредством повествовательной структуры. Такое усложнение позволяет автору дать изображение в разных ракурсах, в разном освещении.

Критики по-разному отнеслись к образу Марлоу. Один из первых рецензентов Р. Керл назвал Марлоу “занудой” (“a moralizing bore”) [8, с. 63]. Конрадский герой, действительно, иногда излишне многословен – резонирует или жонглирует туманными абстракциями. Причина такой стилистической речевой маски является сложность стоящей перед ним задачи: отталкиваясь от общепринятого, вступить в область неведомого, в область предположений и догадок. Однако Конрад наделил своего героя и достоинствами, которые характеризуют и самого автора произведения. Уточним, что образ Марлоу следует рассматривать в двух аспектах: он – рассуждающий рассказчик (нарратор) и, одновременно, участник событий, действующий герой. Марлоу-герой обладает видением художника, пронизательностью психолога, неистощимой энергией и, что особенно важно, умеет сочувствовать человеческому горю. Как верно отметил английский критик Н. Ньюхаус, “именно Марлоу-герой, в своем непосредственном общении с Джимом, заставляет читателя проникнуться симпатией к протагонисту” [12, с. 78]. Марлоу-герой умеет вызвать человека на откровенность, он интересный и умный собеседник. Марлоу-нарратор – мыслитель, поэт, а его письма свидетельствуют о литературных способностях.

С появлением рассказчика-Марлоу, субъектно закрепившись, выровнялся стиль Конрада: исчезла излишняя витиеватость: Марлоу – английский капитан, “один из нас”. Образ рассказчика позволял автору создать и психологически мотивировать особый тип повествования – сказ, с его чрезвычайно сложной, внешне хаотической, бессвязной – но внутренне глубоко продуманной автором композиции. Целью автора является не воспроизведение “потока сознания” рефлектирующего Марлоу, а анализ психики человека XX века в его нравственных исканиях. Конрад наделяет Марлоу серьезностью человека, пытающегося решить извечные вопросы бытия. Сказовый тип повествования оказывается той семантико-стилистической нарративной формой, где происходит явное смещение функциональных ролей автора “реального” и берущего на себя функцию не просто рассказчика, передающего чужую речь, но создателя и одновременно героя предлагаемого читателю текста автора фиктивного (нарратора). Марлоу у Конрада – нарратор “четко обозначенный”, наделенный именем, биографией, функционирующий в созданном им

мире в качестве художественного образа. Он становится фиктивным “заместителем автора”: не просто “ведет” повествование, но и импровизирует его, воссоздавая события, участником или свидетелем которых он являлся в собственном изложении, с позиций своего мировидения, мироощущения, культурного уровня. Конрад наделил Малроу не только способностью к самоконтролю, но и к самоанализу. По необходимости меняя стиль повествования, автор заставляет рассказчика объяснить причины этих изменений, поэтому в рассуждениях Марлоу можно обнаружить ценные эстетические указания, помогающие понять кредо сдержанного в своих рассуждениях художника Конрада. Американский литературовед Ф. Карл логично предположил, что введение образа Марлоу объективировало творческий процесс и тем самым значительно прояснило принципы построения художественного произведения для самого Конрада [9, с. 51].

Література:

1. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учебн. пос. для студ. филологических факультетов вузов. – М.: Изд. центр “Академія”, 2004. – 368 с.
2. Гиришман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа: Учеб. Пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.
3. Дьяконова Н. Я. Английский романтизм: проблемы эстетики – М.: Наука, 1978. – 206 с.
4. Curle R. Joseph Conrad and his characters. – N. Y., 1967. – 335 p.
5. Karl F. R. A reader’s guide to Joseph Conrad. – N. Y., 1970. – 326 p.
6. Newhouse N. H. Joseph Conrad. – L., 1966. – 342 p.